

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIU ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по проблемам курдоведения)
1989
Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

А.Д.ЖАБА И КУРДОВЕДЕНИЕ

Среди курдоведов России XIX в., прославивших востоковедение, почетное место принадлежит Августу Дементьевичу Жабе, которого по праву можно считать одним из корифеев отечественного курдоведения. Однако до сих пор его деятельность не получила широкого отражения в научной литературе.¹ А между тем вклад А.Д.Жабы в курдоведение значителен. Видный дипломат, блестяще эрудированный ученый, неутомимый собиратель курдских рукописей, создатель первого в России курдского словаря — таковы основные этапы деятельности этого незаурядного человека.

А.Д.Жаба родился в г.Вильно (Вильнюс) 15 августа 1801 г. в польской дворянской семье.² После успешного окончания Виленского университета он в мае 1824 г. поступает в Департамент путей сообщения Министерства Иностранных дел в Петербурге на должность помощника переводчика. Однако, не найдя для себя на этом поприще достаточно широкого поля деятельности, А.Д.Жаба в апреле 1825 г. просит его уволить. В характеристике, данной ему, отмечалось: "во время служения вел себя добропорядочно и должность свою исправлял с отличным прилежанием".³ По приказанию Главного Управляющего Министерства Иностранных дел (МИД) он определен в число шести студентов, в открывшееся незадолго до этого в 1823 г. Учебное отделение восточных языков при МИД, призванное готовить кадры для дипломатической службы на Востоке. Раскрывшийся здесь его талант, удивительная легкость, с которой он усваивал восточные языки, был замечен, и в апреле 1828 г. А.Д.Жаба назначается переводчиком Государственной коллегии МИД. В январе 1830 г. он был определен драгоманом при Вице-консульстве в Яффе, а спустя два года перемещен драгоманом консульства в Салоники. В октябре 1835 г. А.Д.Жаба переводится в Смирну драгоманом при Генеральном консульстве, а через три года ему присваивается звание Первого (старшего) драгомана.

События на Востоке вызвали необходимость присутствия в Эрзеруме русского должностного лица. Деятельность А.Д.Жабы была столь успешной, что в мае 1848 г. он был назначен на трудный и ответственный пост консула этого города и повышен в ранг Советника Коллегии. В рядах русской армии А.Д.Жаба принял активное участие в Крымской войне 1853—1856 гг. По распоряжению МИД он назначается состоять при ген.-лейтенанте кн.Бебутове. В ноябре 1853 г. А.Д.Жа-

ба был командирован в армейский корпус, эшелонированный на кавказско-турецкой границе, а в июне 1854 г., когда началось наступление и русская армия направлялась к дер. Мешко на границе, он находился в Александропольском отряде. Он следовал с русской армией и в походе к дер. Кызыл Чахчук, и в переправе через р. Карахан-чай, участвовал в рекогносцировке дер. Джамушлу, в перестрелке с турецкой кавалерией.

В походе на Кызыл Чахчук (под командованием ген.-лейтенанта кн. А. И. Барятинского) корпус, в котором находился А. Д. Жаба, переправившись под вражеским огнем через р. Карс-чай, участвовал в атаке против турецкой кавалерии, в рекогносцировке у дер. Хаджи-Вали, а в сражении у дер. Кюрюк-дара А. Д. Жаба спас жизнь кн. Дондукову-Корсакову. В течение мая 1855 г. он находился в лагере Владикарса под командованием ген.-адъютанта заместителя Кавказа Н. Н. Муравьева. В отряде под командованием полковника кн. Дондукова-Корсакова А. Д. Жаба участвовал в перестрелке на р. Аракс, в захвате г. Хасан-Кале, в штурме г. Карса.

В мае 1856 г. после заключения мира А. Д. Жаба был вновь назначен консулом в Эрзеруме и возведен в сан Государственного Советника. В этом же году он награждается бронзовой медалью на георгиевской ленте, учрежденной в память о Крымской войне.

Именно в это время в 1856 г. акад. Б. Дорн предлагает А. Д. Жабе воспользоваться своим положением для собирания и изучения материалов наречия курманджи. В этот период курдоведение в России только зарождалось. Литература носила описательный характер. Наряду с накоплением описательной литературы и сведений о курдах предпринимались попытки научного освещения отдельных вопросов курдского языка, литературы, истории. Появление таких работ первоначально носило спорадический характер, но со временем количество их растет, тематика ширится (появляются работы П. И. Лерха, Б. Дорна).

Продолжительное пребывание в Курдистане дало А. Д. Жабе возможность основательно изучить язык и быт курдов. Весь свой досуг он проводит в поисках и изучении материалов по языку, литературе, истории курдского народа и не прекращает своей деятельности в этой области до конца жизни.

Во время своего пребывания в Эрзеруме А. Д. Жаба имел возможность поддерживать постоянную связь с лицами курдского происхождения. Большую неоценимую помощь оказал А. Д. Жабе курдский ученый Мела Махмуд Баязиди. Это был широко образованный человек. Он в совершенстве знал арабский, персидский, турецкий языки и литературу. Мела Махмуд учился вначале в родном городе Баязиде, затем - в Теб-

ризе. Вернулся в Баязид и занял место во главе школы, где приобрел известность и уважение среди соотечественников. С падением последнего представителя курдов в Баязиде он вернулся в Эрзерум. Мела Махмуд Баязиди был прекрасным учителем А.Д.Жабы, ярым его помощником в деле собирания курдских рукописей, переписчиком, переводчиком и автором некоторых сочинений. Были и другие помощники у эрзерумского консула, о которых речь пойдет ниже.

Уже в конце 1856 г. А.Д.Жаба доставил в Императорскую Академию наук курдский перевод турецких пословиц и поговорок и нескольких глав из поэмы Низами "Искандер-наме". В письме к Б.А.Дорну от 25 марта 1857 г. А.Д.Жаба сообщает: "Я достаточно изучил курдский язык, чтобы делать переводы и работать самостоятельно".⁴ В конце 1857 г. А.Д.Жаба присылает изложение в прозе содержания поэмы Ахмеда Хани "Мам и Зин", а в начале 1859 г. - параллельный словник наречия хаккари и раванди (ок. 1100 слов); рукопись, составленного им курдско-французского разговорника, содержащего 3300 диалогов, записанных из уст курдов Эрзерума; сведения о северо-западных курдских племенах, заметки о семи курдских поэтах, арабско-персидско-курдскую грамматику Али Теремахи - автора XI в. с предисловием Махмуда Баязиди. Рукописи поступают в Азиатский музей - в один из важнейших очагов русского востоковедения.

Из писем А.Д.Жабы, присланных в Петербург, можно представить каких трудов, сил, творческой энергии и подчас дипломатического искусства стоило ему заполучить рукописи. Вот как он описывает приобретение рукописи грамматики Али Теремахи в письме к Б.А.Дорну от 17 июня 1858 г.: "Позвольте мне, милостивый государь, обратиться ваш интерес на одну маленькую брошюру, которую я Вам только что послал. Эта третья посылка - предисловие к курдской грамматике Али Теремахи, содержащее краткую биографию этого автора. Я сделал французский перевод, прибавив к концу несколько замечаний с целью исследовать это предисловие. Владелец грамматики Али Теремахи - старый мулла. Он не хотел уступать мне эту ценную рукопись, тем не менее за подарок он решился позволить мне сделать копию, над которой работают в данный момент, и как только она будет закончена, я пришло ее в Академию с двумя другими рукописями, находящимися в моем распоряжении".⁵

Вскоре А.Д.Жаба посылает рукопись грамматики Али Теремахи в Петербург, и Б.А.Дорн предлагает собирателю сделать ее перевод. "Вы мне предложили, чтобы я взялся за перевод грамматики Али Теремахи. Сейчас я имею это намерение, но должен отметить, что Теремахи следует сложной системе восточных грамматик, которая ни в

коей мере не соотносится с методом принятым ориенталистами. Я думаю, что это будет излишняя работа. Я ограничился посылкой Вам текста без перевода, как любопытной вещи ... Теремахи делит части речи на три класса: существительное, глагол и частицы. Он отличает три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Автор затем подразделяет эти три части речи и три времени и попадает в настоящий хаос. Изучение грамматики очень затруднительно и не дает возможности схватить смысл. Добиться ее понятия можно только силой поисков и долгого изучения. Мулла - владелец оригинала этой грамматики находится в данный момент в Хаккари, и я надеюсь, что он вернется в Эрзерум, и тогда я попрошу у него эту работу и постараюсь, несмотря на затруднения, которые она представляет, сделать перевод".⁶ Это намерение А.Д.Жабы так и не было осуществлено. Возможно, одной из причин явилась постигшая его вскоре беда - сильное землетрясение, произошедшее в Эрзеруме, во время которого А.Д.Жаба потерял движимое и часть недвижимого имущества. В августе 1859 г. Министерство Иностранных дел оказывает ему помощь - назначает единовременное пособие в размере 1000 руб.⁷

Между тем, продолжая свои курдоведческие изыскания, А.Д.Жаба присылает в Императорскую Академию наук собрание 40 рассказов из жизни курдов (тексты на курдском языке с выполненными им транскрипцией и французским переводом). В марте 1859 г. А.Д.Жаба писал: "Продвигаясь шаг за шагом в моих исследованиях курдского языка, я достиг не без труда сбора рассказов из уст курдов различных районов Муша, Бидлиса, Вана, Баязида, Карса, Эрзерума, Эрзинджана".⁸

По решению историко-филологического Отделения Императорской Академии наук была создана комиссия по публикации трудов А.Жабы, постановившая издать только тексты с переводом без транскрипции, поскольку способ ее передачи оказался недостаточно последовательным.⁹ Французский перевод признавался точным, прекрасно передающим смысл курдского текста. Публикация была поручена П.И.Лерху, как лучшему специалисту по курдскому языку. Тексты с французским переводом А.Д.Жабы под редакцией П.И.Лерха вышли в свет в 1860 г.¹⁰ Им предшествовали уже упомянутые статьи А.Д.Жабы о курдских племенах и заметки, содержащие биографические сведения о поэтах, которыми и до сих пор пользуются исследователи курдской литературы.

Тексты А.Д.Жабы не замедлили вызвать у иранистов как лингвистический, так и этнографический и исторический интерес. Особое внимание привлекли они английских ученых, а Британский музей поручил известному ориенталисту Тейдору - английскому консулу в Курдистане приобретать курдские манускрипты и собирать по возможнос-

ти материалы о курдах. II

В этот же период А.Д.Жаба начинает работать над составлением курдского словаря. В 1865 г. он присылает в Имп. Академию наук I-ую его часть - французско-русско-курдский словарь. Он занимал 721 с. (по 18 строк на каждой) и содержал 15 000 слов. Однако запас курдских слов не достигал упомянутого числа. Многие курдские слова часто повторялись, поскольку французские синонимы переводились одним и тем же курдским словом. В предисловии к словарю А.Жаба отмечал: "Некоторые лица, может быть, не одобряют моего способа транскрипции, но, т.к. это сочинение назначается для ориенталистов, то правильное произношение курманджийских слов не будет для них затруднительно при одной помощи текста, транскрипция которого имеет единственно цель облегчить начинающим изучение одного языка".¹² В письме, адресованном Б.А.Дорну, он надеялся, что его работу найдут "достаточно полной, чтобы было возможно сейчас одобрить, и она пошла в печать".¹³ Опасаясь каких-либо исправлений в словаре, А.Д.Жаба просит разрешения издательских работников заняться его корректурой своему сыну, учившемуся в это время в Петербургском университете (Письмо от 25 октября 1865 г.).¹⁴

Непременный секретарь Имп. АН Н.И.Веселовский поручает Б.А.Дорну, В.В.Вельяминову-Зернову и П.И.Лерху рассмотреть французско-русско-курдский словарь А.Д.Жабы. "Трудолюбивый автор собрал такое значительное число слов, - писал П.И.Лерх в декабре 1866 г., - что его настоящим словарем бывший нам до того доступным запас курдских слов увеличился по крайней мере наполовину, если не более".¹⁵ Большим достоинством словаря П.И.Лерх считал наличие в нем терминов родства, семейных отношений, названий животных. Однако "в отношении транскрипции, - отмечает он далее, - автором не соблюдено желанной точности при передаче курдских слов европейским письмом. А также в переводе некоторых слов неточная передача французских слов курдскими и даже русскими".¹⁶ П.И.Лерх приводит некоторые примеры такой неточности. Напр., *abozer* "лаять" переведено на курдский словом *راھشتين* "бросаться, нападать". Русский перевод опущен. И таких примеров неточной передачи французских слов курдскими и русскими можно привести более сотни.¹⁷ Настаивая на соблюдении точной транскрипции, П.И.Лерх писал: "Эти слова меня убеждают, что г.Жаба до сего времени не понял, почему именно я неоднократно настаивал на самой точной транскрипции сообщаемых им курдских текстов и словарей. Он полагает, что знакомство с арабской азбукой и с применением ее для языка персидского или турецкого достаточно для правильного произношения курдских слов по

курдской орфографии. Кто не жил между курдами будет всегда нуждаться в точной транскрипции, если он различает краткие и долгие гласные или гласные и двугласные не считает лишними. Знание арабского, персидского и турецкого языков ему в этом нисколько не поможет, потому что выработанное у курдов правописание в своих основаниях расходится с правописанием того или другого из упомянутых языков".¹⁸ "Несмотря на эти недостатки, - заключает П.И. Лерх, - в нем (в словаре) содержится значительный материал для изучения курдского наречия".

Историко-филологическим Отделением Имп.АН было решено дожидаться того времени, когда А.Д.Жаба пришлет обещанную вторую часть - курдско-русско-французский словарь и, если он будет признан достойным издания, отказаться от публикации француско-русско-курдской части. "Было бы совершенно достаточно, - писал П.И.Лерх, - поместить в конце курдско-русско-французской части указатели русских и французских слов с ссылками на страницы, на которых они встречаются".¹⁹ Словарь этот так и не вышел из печати, рукопись его и до настоящего времени хранится в ЛО Архива АН СССР.²⁰

Наступил 1866 г. А.Д.Жабе исполнилось 65 лет. Он произведен в Действительные Статские Советники. В конце 1866 г. эрзерумский консул выходит в отставку и поселяется в Смирне. Он полностью отдается сбору материалов по истории, этнографии, литературе, языку курдов. "Теперь, когда я больше не подчинен требованиям моих старых обязанностей, - сообщает он в письме от 30 марта 1867 г. - я работаю с жаром, чтобы довести до конца мои начатые работы".²¹ В это время А.Д.Жаба завершает курдско-русско-французский словарь, над составлением которого работал шесть лет. Переписывает начисто 600 с. "Т.к. занятие такого рода становится утомительным по длительности, - продолжает он в этом же письме, - я внес изменение в мою работу. Я занимаюсь новыми изысканиями в языке и курдской литературе и отделяю перевод одной исторической книги с курдского, являющейся продолжением истории Шараф-хана. Автор начинает свое повествование почти от того места, где остановился Шараф-хан и ведет до наших дней".²²

С этим же письмом в Имп. АН был доставлен из Смирны французский перевод введения (50 с.)²³ к "Новой истории Курдистана", выполненный А.Д.Жабой. "Наконец, - сообщает он в письме, - эта "История" была написана в 1275/1857-58 г. в одном экземпляре, которым я обладаю и который предполагаю перевести тотчас же как закончу две части моего словаря".²⁴ Во "Введении" не встречается имя продолжателя Шараф-хана. Однако в письме А.Д.Жаба сообщает,

что "История курдов" в 1000 с. составлена по его повторной просьбе и за большое вознаграждение Мела Махмудом Баязиди.²⁵ А.Д.Жаба не прислал курдский оригинал, с которого был сделан французский перевод "Введения", не сообщает он на основании каких источников была написана "История курдов".²⁶ В начале "Введения" Мела Махмуд упоминает о Шараф-хане, рассказывает легенду о происхождении курдов, об их характере и наклонностях, образе жизни, об их наречиях, географическом расселении курдских племен. Даются исчисления племен курдов-езидов. Затем автор вновь возвращается к "Шараф-наме" и его автору, упоминает о сделанном в Бидлисе турецком переводе этого сочинения, существующем, по его словам, только в двух или трех экземплярах.

За "Введением" следовал список правителей Курдистана с 1785-86 г., т.е. со времени, когда автор начал свое повествование и до 1857 г. Этот список правителей и эмиров, а также оглавление сочинения, состоящего из II глав, и по которому можно судить о содержании труда Мела Махмуда Баязиди, А.Д.Жаба приводит в письме к Б.А.Дорну от 13 июня 1867 г.²⁷ Остается так и неизвестной судьба этого сочинения. По-видимому, незавершенный перевод и рукопись остались в архиве А.Д.Жабы в Смирне.

В июле 1867 г. А.Д.Жаба отправляет в Петербург курдско-русско-французский словарь. Этой своей работе он придавал особое значение, поэтому просит коллегия Имп. АН рассмотреть ее. Рукопись словаря составляла 656 с. (на каждой странице от 18 до 25 строк) и содержала 6000 слов, в том числе относившиеся к предметам быта, одежды, родственным отношениям, хозяйству. У глаголов приводились формы их спряжения. Словарь не включал слов, обозначающих дикорастущие растения, птиц, животных, не встречающихся в курдском хозяйстве. Во многих случаях не доставало русского перевода. В предисловии к словарю А.Д.Жаба писал: "Надеюсь, что ориенталисты будут настолько снисходительны к моему труду, что не осудят те многочисленные случаи непоследовательности, которые я должен был сохранить в своем труде, чтобы не изгладить первобытного характера курдского языка и чтобы его представить в настоящем его виде."²⁸

И вновь Имп. АН поручила рассмотреть словарь Б.А.Дорну, В.В. Вельяминову-Зернову и П.И.Лерху. В письме Б.А.Дорна и В.В. Вельяминова-Зернова в историко-филологическое Отделение Имп. АН от 5 ноября 1868 г. говорилось: "Труд госп. Жабы мы рассматривали с особенным вниманием. Мы пришли к тому заключению, что издать его было бы весьма полезно. До сих пор язык курдский был весьма мало

исследован, пособий по его изучению почти вовсе не существует. Словарь госп. Жабы, составленный весьма добросовестно, пополняет этот важный недостаток. Он заключает в себе богатый материал для ознакомления с языком курдским, и мы уверены заранее, что весь ученый ориентальный мир с удовольствием примет появление в свет словаря А.Д.Жабы".²⁹ Издать труд А.Д.Жабы, т.е. курдско-русско-французскую часть, они полагали необходимым в том виде, в каком он представлен самим автором рукописи без всяких изменений как в транскрипции, так и в составе словаря (исправить лишь некоторые неточности в русском и французском языках; добавить русский перевод, где он отсутствует). Словарь составлен в курдской среде и представляет богатый материал для изучения языка курдов. В этом, по словам Б.А.Дорна и В.В.Вельяминова-Зернова, главное его достоинство, а через переработку это его достоинство может быть утрачено. Они считали нецелесообразным издавать французско-русско-курдскую часть словаря, а поместить, как это было решено ранее, в конце курдско-русско-французского словаря указатели русских и французских слов с ссылками на их страницы.

П.И.Лерх, приветствуя составление курдско-русско-французского словаря, выражал надежду, что после его выхода курдский язык приобретет много новых друзей в лице европейцев, которые будут не только пополнять словарный запас слов, но и изучать "разнообразные наречия, которыми так богат язык курдов".³⁰ Издание словаря, "без сомнения, побудит того или другого из путешественников по Курдистану или кого-нибудь из консулов европейских держав, имеющих во многих местах сношения с курдами, заняться изучением их языка"³¹, облегчит чтение уже опубликованных и "других, собранных в Эрзеруме, курдских текстов и вместе с тем будет способствовать дальнейшей разработке курдской грамматики".³²

Тем не менее, глубоко и всесторонне изучив труд А.Д.Жабы, П.И.Лерх подвергнул его критическому анализу. "Между тем многоуважаемый нами составитель курдского словаря не убежден в необходимости точной и последовательной транскрипции. Конечно, остается только сожалеть, что богатый собранный им материал для знакомства с запасом слов в курдском языке имеет этот недостаток. Но не воспользоваться этим материалом из причин неудовлетворительности транскрипции, значит действовать не в интересах дальнейшего успеха в изучении языка курдов".³³ Далее П.И.Лерх указал на следующие недостатки работы: 1) неточен или неверен часто перевод курдских идиом; 2) в переводе встречаются орфографические ошибки; 3) часто опущен русский перевод. И еще одно обстоятельство тревожило П.И.Лерха:

собранный материал часто заимствован из рукописных книг или из живого курдского языка (рукописи собраны во многих районах Курдистана, где распространены различные диалекты). Те, кто записывал тексты и из чьих уст записаны сказки, повести, песни, происходили из разных местностей Курдистана. Следовательно, слова и глагольные формы, собранные в словаре, не относятся к одному наречию. П.И. Лерх сожалеет, что А.Д. Жаба в предисловии не указал сведений, на каких источниках базируется его словарь. Когда же составитель указывает на орфографические неправильности, то здесь отражается разное произношение, что особенно ценно. Напр., *هژوئین* и *ازوئین* "гнать"; *ههسیر* и *ایسیر* "любовь"; *ههسیر* и *ایسیر* "пленник"; *ههستر* и *ایستر* "слезы" и т.д. Давать начальный гласный с сильным придыханием развито у курдов. П.И. Лерх сумел по достоинству оценить то, что сам А.Д. Жаба считал неправильным или ошибочным в своем словаре. Он писал: "Неправильность орфографии в курдском наречии приходится от недостатка школ и малочисленности ученых, которых имел Курдистан и вообще от невежества курдских писцов, которые плохо знают свой родной язык. Следует еще сожалеть, что курды в своей переписке употребляют персидский язык, что их заставляют пренебрегать обработкой своего собственного языка. А. Жаба забывает, что курдский язык прежде всего живет в устах, письмо есть только более или менее удачное изображение его звуковых форм и что по этому наблюдению над языком должны прежде всего основываться на его формах в том виде, в котором он живет в устах народа".³⁴ Современное языкознание, — отмечал П.И. Лерх, — требует, чтобы материал доставлялся по возможности соответствующим действительности. "Как естествоиспытатель там, где ему невозможно иметь под рукой самый предмет его исследования, обращается только к таким изображениям, в точности которых он может быть уверен, так и исследователь языка в праве требовать, чтобы тексты и собрание слов передавались ему с возможной отчетливостью".³⁵ Упущение *ه* в середине слова может привести к неправильному произношению слова, а не как считал А.Д. Жаба, употребление *ه* здесь ошибочно: написание *جره باندين* указывает, что надо произносить *cerbandin*, а не *serbandin*, как можно предполагать при написании *جر باندين* (см. также *فه جنکین* "испугаться", *وره مین* "пухнуть и др.).

Говорные особенности языка отразились в словах с заменой *ه* буквой *ی*: *فه خستین* и *فی خستین* "снова замечь"; *چی کورین* и *چه کورین* "производить"; *روناهی* и *رونایا* "обитель", "местность"; *نهرین* и *نهرین* "свет"; *نهرین* "созерцать" и т.д.³⁶

П.И.Лерх считал необходимым издать словарь с транскрипцией в исправленной редакции. Цель транскрипции – не изображать курдскую орфографию, а передать курдское произношение: напр., существуют формы слов : سنون و استونو "столб"; سنزک و استزک "звезда"; استور و استور "пошлый, грубый" и т.д. В словаре А.Д.Жаба не приводит формы سنون , استور , سنزک , вероятно, считая их формами не имеющими права на существование, поскольку курдский язык избегает сочетаний двух согласных.³⁷

Примеры непоследовательности авторов в орфографии "на самом деле, – как отмечал П.И.Лерх, – это борьба грамотных курдов с недостатками арабского алфавита, желание отдельных авторов или писцов вместить в письме особенности своего наречия".³⁸ Некоторые писцы вставляли ا , вероятно, чтобы указать читателю, что следует произносить "а", а не другую гласную: طوله و طاوله "конюшня"; طهرين و طهرين "обманывать"; خياندین و خياندین "пристраститься". Или вставляют و вместо بهورین "проходить"; گل вместо گول "роза". Некоторые переписчики пишут ییر , другие опускают: زير و زير "проворный; бир и бир "память"; ميش و ميش "муха"; رپال و رپال "дохмотья" и т.д. А.Д.Жаба редко в словаре отмечает долготу гласных.³⁹ Там, где из-за небольшого количества памятников не установлены правила правописания, там нельзя говорить о нарушениях правил правописания. Невежество, в котором А.Жаба упрекает курдских писцов, состоит в незнании или несоблюдении правил персидской или арабской орфографии (араб. слово موهلت пишет موهلة). Здесь проявляется не плохое знание своего родного языка, а невнимание к персидской и арабской орфографии. Курду нет дела до того как пишется заимствование его языком из арабского или персидского слов у арабских и персидских писателей, он только старается передать его по возможности так, как оно произносится им самим и его соотечественниками. В слове موهلت поставил و , чтобы указать, что в первом слогe он произносит (y), т.к. курдскими писцами не принято ставить фатхи, кесры и даммы над или под согласными для обозначения кратких a, e, i, u".⁴⁰

В приложении к своему отзыву П.И.Лерхом сделана попытка исправления транскрипции словаря А.Д.Жаба. Он ограничился редакцией начала букв د , ش و всей буквы ق . П.И.Лерх обозначил долготы только в тех случаях, когда его собственная практика и орфография курдских переписчиков указывала на присутствие долготы. Где же долгота ему казалась сомнительной, оставлял без обозначения. В такой редакции, по мнению П.И.Лерха, словарь мог быть издан.

В течение 1869–1872 гг. А.Д.Жаба продолжал работу над курдско-русско-французским словарем. Через профессора СПб. университета А.О.Мухлинского бывший консул передает в Имп. АН новую копию потерянной тетради словаря и по его предложению редактирование труда возлагается на проф. Л.М.Броссе. Однако Л.М.Броссе успел исправить лишь первые четыре тетради рукописи словаря, затем работа была прекращена. На основании решения историко-филологического Отделения Имп. АН Н.И.Веселовский просит Б.А.Дорна отправить рукопись курдско-французско-русского словаря А.Д.Жабы в Азиатский музей для временного хранения. В декабре 1873 г. Н.И.Веселовский обращается в Департамент Внутренних сношений Министерства иностранных дел с просьбой разрешить доставить, принадлежавшие Азиатскому музею Имп. АН, рукописи курдско-русско-французского и французско-русско-курдского словарей, составленных А.Д.Жабой в одном переплетенном томе в 35 тетрадях, в Марбург к профессору университета Ф.Юсти с просьбой обработать их и подготовить к печати. Рукописи передаются через посла в Берлине.

В ожидании выхода в свет словаря А.Д.Жаба в марте 1876 г. посылает Б.А.Дорну рукопись французско-курдских диалогов, получившую предварительно высокую оценку Ф.Юсти. Тем временем Ф.Юсти подготавливает к печати многолетний труд А.Д.Жабы. Он отказывается от транскрипции и русской части словаря, добавляет лексику из французско-курдского словаря. В начале 1879 г. курдско-французский словарь А.Д.Жабы под редакцией Ф.Юсти был издан Имп. АН.⁴¹ Три экземпляра словаря отправляют в Смирну. 15 марта 1880 в письме к Н.И.Веселовскому бывший консул благодарит за полученные книги и рекомендует его вниманию рукопись, заключающую новые материалы для дополнения к словарю. Труд А.Д.Жабы был удостоен Демидовской премии Имп. Академии наук.

Но несомненно самая большая заслуга принадлежит А.Д.Жабе в деле собирания курдских рукописей. За период своей деятельности на посту консула он посылает в Имп. АН более 50 рукописей (не включая составленных им словарей) по литературе, фольклору, истории, этнографии, языку курдов. Будучи в отставке и, по-видимому, испытывая материальные затруднения, А.Д.Жаба 12 сентября 1868 г. обращается с письмом к К.А.Коссовичу, работавшему в Имп. публичной библиотеке редактором ученых работ: "Желая поместить в Имп. публичную библиотеку, собранную мною не без труда во время моего многолетнего управления Российским Имп. консульством в г. Эрзеруме коллекцию курдских рукописей, имею честь препроводить при сем на благо усмотрения вашего превосходительства каталог..., предложить

начальству Имп. публичной библиотеки приобрести упомянутую коллекцию, находящуюся в настоящее время в Азиатском музее АН на хранении, за сумму 3000 руб.⁴² Дирекция Имп. публичной библиотеки поручает П.И.Лерху, Б.А.Дорну и В.В.Вельяминову-Зернову ознакомиться с коллекцией и сообщить свое мнение, а также назвать ее стоимость. В конце 1868 г. собрание рукописей было приобретено за 1300 руб.⁴³ Коллекция А.Д.Жабы 90 лет не имела печатных описаний (о ней упоминает только П.И.Лерх в отчете Имп. публичной библиотеки за 1868 г.⁴⁴). В 1957 г. М.Б.Руденко опубликовала в трудах Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина коллекцию курдских рукописей А.Д.Жабы, а в 1961 г. вышла ее работа "Описание курдских рукописей ленинградских собраний".⁴⁵

А.Д.Жаба вместе с Мела Махмудом Баязиди собрал единственную по своей полноте коллекцию (57 названий). В ней представлены рукописи, содержащие фольклорный материал: любовные, героические, хороводные песни, записанные по заказу А.Д.Жабы; рукописи по языку (грамматики, разговорники). Самую обширную часть коллекции составляют рукописи произведений крупнейших средневековых курдских поэтов, таких как Факи/Тейран, Мела Бате, Мела Джезири, рукописи шедевра курдской поэзии "Мам и Зин" выдающегося поэта XVII в. Ахмеда Хани и др. Мела Махмуд Баязиди был автором и переписчиком интересного сочинения "Нравы и обычаи курдов", повествующем о приметах и поверьях, об устройстве жилища, о национальных играх и музыке, о видах ремесла и основных занятиях курдов; по просьбе А.Д.Жабы он сделал перевод "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси, переписал грамматику Али Теремахи, выполнил перевод с персидского анекдотов и коротких народных рассказов и ряда других произведений. В некоторых случаях он подписывал свои сочинения или сделанные им копии и переводы не своим именем, а именами Факир Махмуд Афенди, Хадже Махмуд Афенди. Как писал А.Д.Жаба, это было сделано для того, чтобы "не навлечь на себя недовольство мусульманского духовенства, которое, несомненно, относилось бы с осуждением к тому, что мусульманин, да еще вдобавок мулла составляет свои сочинения и делает переводы по заказу и просьбе немусульманина".⁴⁶

Среди помощников А.Д.Жабы были - Шех Назар, переписавший песни и др. рукописи; Мела Мустафа, переписавший рукописи "Шейх Сан'ан", "Стихи, обращенные к реке", "Замбильфрощ"; Мела Муса Хаккари, делавший перевод с персидского по просьбе А.Д.Жабы; Мухаммад Хариб ибн Слеман, переписавший "Мам и Зин"; Факир Махмуд Афенди, переписавший поэму Ахмеда Хани "Первый плод" в честь отъезда А.Д.Жабы из Турции, а также Фируз Афенди, Мухаммад Мокси,

Таха Хаджи Абд-ел Азиз, Хасан Хаким Баши, Тахир ибн Аббас Афанди, Файзолла и др., о жизни которых ничего нам не известно, но без участия которых не было бы коллекции.

Собрание А.Д.Жабы содержит ряд уникальных рукописей произведений таких поэтов как Харис Битлиси, Салим ибн Слеман, Дурфшани, Рамадани, Мурад-хан Баязиди, восполняющих лагуну в классической курдской литературе. Благодаря этой коллекции стало известно о существовании литературных версий широко распространенных курдских сказаний "Лейли и Меджун", "Юсуф и Зелиха", "Замбильфрощ". Выдающийся курдский ученый Бадр-хан, ознакомившись с каталогом рукописей, в письме к М.Б.Руденко отмечал, что он сам впервые узнал о многих до тех пор неизвестных ему литературных памятниках.

К сожалению, А.Д.Жаба не имел возможности всецело посвятить себя науке. Выйдя в отставку и поселившись в Смирне, он неоднократно приезжал в Россию, в свое родовое имение в Виленской губернии Троицкого уезда неподалеку от Вильно, где имел 120 крестьян, по несколько месяцев оставаясь там (а в течение 1872-74 гг. жил ок. 20 месяцев). Как явствует из писем, в этот период он занимался лишь устройством своих семейных дел, времени на научные изыскания у него не оставалось. Да он и не брал в поездки свои курдоведческие работы. В письме, датированном 6 марта 1869 г., он сожалеет о ценном времени потерянном во время пребывания в имении, об оставленном в Смирне переводе "Новой истории курдов", введение к которой он послал ранее. В письмах не раз проскальзывает неудовлетворенность тем, что сделано, как казалось А.Д.Жабе, слишком мало, что редакция словаря стоила ему многих лет жизни. "Несмотря на разочарование, которое я испытал в Санкт-Петербурге, я еще не отчаялся и продолжаю мои лингвистические изыскания".⁴⁷ Во время этих поездок на родину у А.Д.Жабы, обремененного домашними делами (у него была большая семья - девять детей), часто не оставалось никакой возможности для встреч со своими близкими друзьями, бывшими сослуживцами, коллегами-курдоведами. Благодаря Б.А.Дорна за его предложение повидаться с ним, он писал: "Я не могу располагать моим временем прежде чем не закончу своих дел в моей деревне".⁴⁸

А.Д.Жаба поддерживал связи с русскими учеными-востоковедами В.В.Вельяминовым-Зерновым, Н.И.Веселовским, Б.А.Дорном, П.И.Лерхом, П.А.Чихачевым. Еще в 1858 г., посетив А.Д.Жабу в Эрзеруме, П.А.Чихачев отмечал: "Исследования этого искусного востоковеда тем более интересны, что он единственный в наше время успешно изучает язык народа, столь же древнего, как малоизвестного. Ему

удалось уже составить словарь и грамматику языка; я видел объемистые рукописи его трудов, которые скоро будут напечатаны".⁴⁹ П.А. Чихачев был поражен, узнав от А.Жабы о наличии у курдов оригинальной литературы. "Среди этих любопытных документов, занимающих не одну полку библиотеки ученого консула России, имеется баллада о любви Сиякмеда и Шамси. Г-н Жаба любезно вручил мне не только перевод с курдского по мере возможности литературно обработанный, но также изящную копию оригинала с разрешением передать ее азиатскому обществу Франции, которое, вероятно, будет обрадовано возможностью пополнить свой бюллетень уникальным в своем роде памятником восточной литературы".⁵⁰ П.А.Чихачев издал эту рукопись с французским переводом и транскрипцией.⁵¹

С профессором СПб. университета А.О.Мухлинским А.Д.Жабу связывала давняя дружба. Он хорошо знал его по работе в Турции. Еще в 1859 г., опасаясь, что при пересылке в Петербург рукописи могут быть безвозвратно потеряны, он через А.О.Мухлинского отправляет рукопись грамматики Али Теремахи. В дальнейшем А.О.Мухлинский неоднократно привозил из Турции курдские рукописи. Сын А.Д.Жабы Альфонсе учился у А.О.Мухлинского в СПб. университете и оставил аккуратно записанный курс его лекций по османской литературе, хранящийся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР. А.Д.Жаба обращался к нему и с деликатной просьбой. В 1869 г., находясь в Смирне, он просит А.О.Мухлинского получить за него на основании доверенности причитающиеся ему деньги за коллекцию рукописей, переданную в Имп. публичную библиотеку. А.О.Мухлинский советовал А.Д.Жабе ежегодно посылать помощнику директора библиотеки, хранителю отдела рукописных и старопечатных книг А.Ф.Бычкову подготовленные курдские рукописи. В планах А.Д.Жабы было пополнение коллекции курдских рукописей Имп. публичной библиотеки. К сожалению, многие собранные им манускрипты, по-видимому, остались в его архиве в Смирне.

Нам ничего не известно о последних годах жизни А.Д.Жабы. Переписка его с Имп. Академией наук заканчивается в 1880 г. (после выхода курдско-французского словаря). Вероятно, будучи в почтенном возрасте, он уже не занимался научной деятельностью, прекращаются и его связи с Имп. АН после смерти Б.А.Дорна и П.И.Лерха. Незавершенным остался и перевод "Новой истории курдов".

Умер А.Д.Жаба 3 января 1894 г. в г.Смирна в возрасте 92 лет. Умирал он в окружении своих близких. Перед смертью он заклинал свою родственницу позаботиться о его жене и детях. К сестре милосердия, ухаживавшей за ним, он обратился со словами: "ты видишь соотечественника, умирающего в чужой стране".⁵² Своим детям он

завещал быть верными России. Весть о смерти А.Д.Жабы с большой скорбью была встречена в Смирне. В газетах появились некрологи, посвященные деятельности и заслугам бывшего консула. Как писали о нем: "он был самым замечательным человеком в Смирне". Пышные похороны состоялись на следующий день в присутствии Генерального консула России, офицеров Генерального консульства, представителей властей и именитых города. Губернатор провинции приказал послать пикет солдат для эскортирования похоронного кортежа и оказания последних воинских почестей бывшему консулу России в Турции.

А.Д.Жаба отличался большой эрудицией, он говорил и писал на многих западных и восточных языках, среди которых в совершенстве владел турецким, арабским, персидским, курдским. Даже зная о его колоссальной трудоспособности, нельзя не удивляться многообразию его занятий. А.Д.Жаба известен также своими нумизматическими коллекциями. Он владел прекрасной коллекцией медалей, которую передал за несколько лет до смерти музею Петербурга.

Его деятельность на посту консула была оценена как у себя на родине, так и за рубежом. В августе 1846 г. он получает почетную медаль за безупречную службу в течение 15 лет (такие же медали он получал каждые пять лет за службу в течение 20 и 25 лет). В июне 1852 г. он удостоивается звания Кавалера ордена Святой Анны 2-ой степени. В январе 1858 г. турецкий султан пожаловал А.Д.Жабе орден меджидие 3-ей степени за честную безупречную службу на посту русского консула. В ноябре 1865 г. он был награжден Кавалерийским Крестом ордена Почетного Легиона за заслуги перед Францией. Когда А.Д.Жаба вышел в отставку, ему было разрешено носить мундир, соответствующий его последнему чину.

Имя А.Д.Жабы - неумолимого собирателя материалов, касающихся курдской культуры, навсегда вошло в историю русского курдоведения. Тексты, изданные им, и теперь являются добротным материалом для изучения языка, этнографии курдов. Его курдско-французский словарь долгие годы (до выхода в свет в 1960 г. словаря К.К.Курдоева) оставался единственным доступным нам пособием. Без коллекции А.Д.Жабы не было бы у нас курдских рукописей, имеющих неоценимое значение для исследования литературы, фольклора, языка, этнографии, истории курдов. Отечественное курдоведение всегда будет благодарно А.Д.Жабе за этот богатый уникальный материал.

I. Краткие сведения о А.Д.Жабе см. в работах М.Б.Руденко "Описание курдских рукописей ленинградских собраний". М., 1961, с.3; Ахмед Хани. Мам и Зин. Критический текст, пер., предисл. и

- указатели М.Б.Руденко. М., 1962, с. 6; в статье К.К.Курдоева "А.Д.Жаба и его роль в развитии курдоведения". - Р'яа т'езе". Ер., 10.02.1973 [на гурд. яз.].
2. Архив внешней политики России (АВПР), ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 2. В дальнейшем биографические данные о жизни А.Д.Жабы взяты из газ. "Courrier de Smyrne". 10.01.1894, с. 1, хранящейся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР (АВЛОИВ), разряд 3, оп. I, ед.хр. II.
 3. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 2.
 4. ЛО Архива АН СССР (ЛОААН), ф. 776, оп. 2, № 90, л. 4. Здесь и в дальнейшем пер. писем А.Д.Жабы с франц. выполнен нами.
 5. Там же, л. 7-8.
 6. Там же, л. 9.
 7. АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, ед.хр. 1330, л. 52.
 8. АВЛОИВ, разряд I, оп. 6, ед.хр. 78 (а), л. 2.
 9. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 22.
 10. A.Jaba. Recueil de notices et récits kourdes. S.-Pbg., 1860, 168 p.
 11. Архив Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (АГПБ), ф. I 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительно-го Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей, л. I.
 12. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 6.
 13. ЛОААН, ф. 2, оп. 2, № 90, л. II.
 14. Там же.
 15. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 5.
 16. Там же.
 17. Там же, л. 8.
 18. Там же, л. 6.
 19. Там же, л. 8.
 20. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 7.
 21. ЛОААН, ф. 776, оп. 2, № 90, л. 12.
 22. Там же.
 23. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 52-101.
 24. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 10, л. 2.
 25. Там же.
 26. Об этом сочинении Мела Махмуда Баязиди см. статью Е.И.Васильевой "Неизвестное сочинение по истории Курдистана". - III и ПИКНВ, Ш. Л., 1967, с. 8-10.
 27. ЛОААН, ф. 776, оп. 4, № 10, л. 2.
 28. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865, № 20, л. 18.
 29. ЛОААН, ф. 2, оп. I-1865; № 20, л. 107.

30. Там же, л. 23.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же, л. 18.
35. Там же, л. 26.
36. Там же, л. 25.
37. Там же, л. 20.
38. Там же, л. 18.
39. Там же, л. 21.
40. Там же, л. 19.
41. A. Jaba. Dictionnaire kurde-français. S.-Pbg., 1879, 463 p.
42. АГПБ, ф. I 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительного Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей, л. I.
43. Подробно о приобретении ГПБ коллекции см. статью Ж.С. Мусаэлян "История коллекции курдских рукописей ГПБ". - III и ПИКНВ. 1990, XXIII, с. 63-70.
44. Отчет Имп. публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869, с. 159-167.
45. М.Б. Руденко. Коллекция А.Д. Жаба (курдские рукописи). - Тр. Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957, т. 2, с. 165-184; Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, 124 с.
46. М.Б. Руденко. Описание курдских рукописей..., с. II4.
47. ЛОААН, ф. 776, оп. 2, № 90, л. 14-15.
48. Там же, л. 16.
49. П.А. Чихачев. Письма о Турции. М., 1960, с. 37.
50. Там же.
51. /A. Jaba/ Ballade kurde recueillie et traduite par A. Jaba et communiquée par de Tchihatcheff. - Journal Asiatique. 1859, 5 sér, t. XIV, p. 153-166.
52. АВЛОИВ, разряд 3, оп. I, ед.хр. II, л. I.

Н.Г. Сафонова

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В КУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ ГОРАНИ (по тексту поэмы "Бежан и Манидже")

В данной статье рассматриваются зафиксированные в фольклорном варианте поэмы "Бежан и Манидже" на диалекте горани глаголь-